

Глеб Иванович Успенский

«Свои средства»

Глеб Иванович Успенский

«Свои средства»

Серия «Бог грехам терпит», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665315*

Аннотация

«...Вот уж больше недели, как жаркий воздух последних дней нынешнего деревенского лета отравлен запахом гари: где-то, как пишут в местном листке, горят торфяные болота, горят леса; сизый дым по временам достигает белизны и густоты тумана, застилает все кругом на далекое пространство и даже затрудняет дыхание... Пожары лесные – дело весьма обыкновенное на Руси, а особенно в наших северных местах, где, несмотря на все усилия господ помещиков, сельских обществ и промышленников истребить всякую растительность, по возможности в самый кратчайший срок, мать-природа не совсем еще вышла из терпения и продолжает одевать зелеными кустиками и жиденькими березками, осинками и ольхой холмики, болота и берега болотных речек. ...»

Глеб Иванович Успенский

«Свои средства»

...Вот уж больше недели, как жаркий воздух последних дней нынешнего деревенского лета отравлен запахом гари: где-то, как пишут в местном листке, горят торфяные болота, горят леса; сизый дым по временам достигает белизны и густоты тумана, застилает все кругом на далекое пространство и даже затрудняет дыхание... Пожары лесные – дело весьма обыкновенное на Руси, а особенно в наших северных местах, где, несмотря на все усилия господ помещиков, сельских обществ и промышленников истребить всякую растительность, по возможности в самый кратчайший срок, мать-природа не совсем еще вышла из терпения и продолжает одевать зелеными кустиками и жиденькими березками, осинками и ольхой холмики, болота и берега болотных речек. Горят леса тихо, молчаливо – горят, точно дело делают, как-то задумавшись; в тихие вечера иное дерево горит как свеча; трещит и коробится береста, вспыхивают и свертываются зеленые листья, и только по временам треснет и, точно зарница, вспыхнет над темным лесом смолистый газ раскаленной огнем сосны... А огонь, точно исполняя какую-то обязанность и не торопясь, опустошив десятин сто казенного, или господского, или крестьянского леса и дойдя до полянки, где уж нет пищи, скромно принимается жевать высушенную жаром и зно-

ем траву, жует ее, точно скромная, кроткая овца, по вершочку, по травинке – жует день, два, шаг за шагом перебираясь через канавки, обходя болотца, «где посуше», и добирается до нового и свежего леса, до новой березки, пуская от себя в разные стороны таких же кротких огненных овечек... И вот бежит огонь по березке, копошится внутри бузины или ольхового куста – и, глядишь, через день, через два тлеет в горячих угольях другая сотня десятин. По ночам горящий лес – точно бальная зала или иллюминированный по случаю какого-нибудь торжества огромный парк: везде огни, звезды, бенгальские огни (сосна вспыхнула), а между ними обгорелые или еще горящие кусты, точно группы гостей, танцующих, толпящихся вокруг столов за картами, за едой. Днем, разумеется, все это исчезает, и остается один только удушливый чад и гарь.

Часто видал я такие пожары в наших местах, и никогда мне не приходилось видеть, чтобы в огне или около огня присутствовала бы какая-нибудь человеческая фигура, которая была бы обеспокоена этим пожаром, чтоб она хлопотала о сохранении государственного или частного имущества. По всей вероятности, где-нибудь и кто-нибудь непременно беспокоится об этой гибели леса, потому что ведь кому-нибудь лесной пожар непременно наносит убыток; но я лично, повторяю, не видал беспокоящихся или принимающих какие-нибудь меры ни чиновников, ни мужиков. Выгорит лес и перестанет – вот, мне кажется, общее мнение относитель-

но как самых пожаров, так и средств к их прекращению. Но лично мое, напуганное явлениями русской жизни, воображение не дает мне возможности относиться к этому дыму и чаду, ежедневно нагоняемому ветром в нашу сторону, в такой же степени невнимательно и покойно, как относятся к этому все, кого я только в деревне вижу. Не потому мое напуганное воображение не может бездействовать при виде явления, для всех местных жителей совершенно обыкновенного, чтоб я жалел этот горящий лес или жалел бы его хозяина, будь то государство, или крестьянское общество, или господин помещик, — вовсе нет; в смысле сожаления о гибели имущества я ничуть от местных обывателей и моих соседей не отличаюсь: «мне какое дело» или «на то есть начальство», — говорю я. Да, наконец, что же я могу сделать, если б я и жалел? Погорит и перестанет — вот все, что я могу по совести сказать, глядя на великолепное зрелище лесного пожара, и затем «пройти мимо». Если же мое напуганное воображение не пускает меня «уйти» от этого обыкновеннейшего деревенского события, то причины этого совсем иные. Дело в том, что недели три тому назад мне пришлось самому быть в лесу с одним моим приятелем, и притом в той самой стороне, откуда вот уж давно валит дым и гарь и где, очевидно, большой пожар. Были мы с приятелем у другого общего нашего приятеля в гостях и после завтрака взяли ружья и пошли пройтись по лесу; часа два мы гуляли, наслаждаясь погодой, воздухом и невозмутимую тишиной леса; разумеет-

ся, выстрелить нам не пришлось, потому что лето ныне было очень сухое, ягод не уродилось, а стало быть, и птице незачем быть в пустом месте. Птица улетела туда, где есть ягоды – брусника, смородина и т. д. Шли, шли мы таким образом и пришли к крестьянской меже, а за этою межей начинался уж крестьянский, значительно вырубленный, лес. И здесь нам представилось такое зрелище: на большой, чисто и гладко выкошенной поляне протянулся огромный, сажень в пятьдесят, стог сена, а саженьях в трех от этого стога горел костер из сухих сучьев и валежника; костер этот был, повидимому, только что зажжен, потому что огонь копошился еще только в глубине кучи хвороста. Но что поразило нас и заставило задуматься, так это, во-первых, то обстоятельство, что около костра никого не было, и, во-вторых, ясно видная дорожка кое-как набросанного сена шла от костра по направлению к стогу. Ни скотины вблизи, ни пастуха, которому понадобился бы этот костер, не было; да кому и зачем нужен был костер среди белого жаркого дня? Папиросу закурить можно спичкой. А дорожка-то от костра к стогу?.. И кругом мертвая тишина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.